
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XVII

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 110-летию юбилею монгольского ученого-монголоведа,
общественного деятеля, переводчика Мэргэн-гуна Гомбоджаба

St. Petersburg
2016

Редакционная коллегия: доктор филол. наук И. В. Кульганек (председатель); доктор филол. наук Л. Г. Скородумова; доктор ист. наук Т. Д. Скрынникова; доктор ист. наук К. В. Орлова, канд. филол. наук Н. С. Яхонтова; доктор наук Ж. Легран (Франция); доктор наук Р. Поп (Румыния); доктор наук А. Бирталан (Венгрия); доктор наук В. Капишовска (Чешская республика)

Рецензенты: канд. филол. наук М. П. Петрова, доктор филол. наук С. Л. Невелева
Секретарь и редактор английского текста выпуска: канд. филол. наук Д. А. Носов
Эл. адрес: kulgan@inbox.ru

Edited by: D. S. (Philology) I. V. Kulganek; D. S. (Philology) L. G. Skorodumova; D. S. (History) T. D. Skrynnikova; D. S. (History); K. V. Orlova; PhD. (Philology) N. S. Yakhontova; D. S. J. Legrand (France); PhD. A. Birtalan (Hungary); PhD. R. Pop (Rumania); PhD. V. Kapishovska (Czech Republic)

Peer-reviewed by: PhD. (Philology) M. P. Petrova, D. S. (Philology) S. L. Neveleva
Secretary and Editor of the English text: PhD (Philology) D. A. Nosov
e.mail: kulgan@inbox.ru

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Монголика-XVII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. — 104 с.

Семнадцатый выпуск журнала «Mongolica» посвящен 110-летию юбилею монгольского ученого-монголоведа, общественного деятеля, переводчика и публициста Мэргэн-гуна Гомбоджаба (1906—1940).

Выпуск имеет разделы: «Историография, источниковедение», «Литературоведение, фольклористика, лингвистика», «Рецензии», «Переводы». В журнал вошли статьи российских и зарубежных специалистов, отчеты о проведенных научных мероприятиях по монголоведению и переводы, выполненные российскими монголоведами. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The seventeenth edition of the magazine «Mongolica» is dedicated to 110th anniversary of Mongolian scholar, public figure, translator and essayist Mergen-gun Gombodzhab (1906—1940).

This issue consists of the following parts: «Historiography and Source Studies», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews», and «Our Translations». The magazine includes articles written by Russian and foreign scholars, the reports of the scientific activities in field of Mongolian studies and translations made by Russian mongolists.

The papers are written in keeping with the research priorities of modern Mongolian studies, with special regard to the matters of history and culture of the Mongolian ethnic groups, which gives the articles great social, historical and practical value.

The issue will be of interest not only to scholars of Mongolian studies, but also to specialists in philology, history and culture, as well as to those interested in the history of Mongolian ethnic groups and Central Asia.

Литературный редактор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
Корректор — Т. Г. Бугакова

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 07.11.2016. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 13 печ. л. Заказ №

ISSN 2311-5939

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2016
© Институт восточных рукописей РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Хишигт. Мэргэн-гун Гомбоджаб — князь, ученый, переводчик, общественный деятель (1906—1940) (Перевод Л. Г. Скородумовой, И. В. Кульганек)	6
И. В. Кульганек. Ленинград в жизни Мэргэн-гуна Гомбоджаба.	11
Д. А. Носов. Мэргэн-гун Гомбоджаб и Институт живых восточных языков в Ленинграде	24
Т. Тамир, Т. Аира. Книги из личной коллекции М.-г. Гомбоджаба	27
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
А. Ш. Кадырбаев. Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казаками в эпоху Цин	30
Т. Д. Скрынникова. Представления об общемонгольской идентичности в монгольских летописях XVII в.	35
И. М. Захарова, М. В. Мандрик. Делегация автономной Монголии в России в 1912—1913 гг.	42
ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Г. Батсуурь. Новизна образов повести Ц. Дамдинсурэна «Отвергнутая девушка»	48
А. В. Зорин, Ю. С. Макарова. Два калмыцких списка тибетского сборника «Доманг» из коллекции Саратовского областного музея краеведения	52
Б. В. Меняев. Ойратский ксилограф из частного собрания Хотол-Тугеса, посвященный культу будды Амитаюса	61
Т. Содгэрэл. Наигрыши на цууре в Западной Монголии: вопросы классификации	65
Д. Сувданцэцэг. Запятая в монгольском предложении: случаи постановки	69
А. А. Туранская. Жанровая маркировка «гурбум» в тибето-монгольской агиографии	78
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек, Е. Ю. Харьков. Седьмые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир»	83
ПЕРЕВОДЫ	
Ж. Дашдондог. Я никогда не был антисоветчиком (Перевод Л. Г. Скородумовой)	88
Ц. Доржготов. Подарок снега (Перевод А. Токмакова под редакцией Л. Г. Скородумовой)	91
С. Буяннэмэх. Врата литературы (<i>Окончание</i>) (Перевод А. Сапожниковой под редакцией Л. Г. Скородумовой)	93
Информация об авторах.	103

Contents

N. Hishigt. Mergen-gun Gombodzhab — prince, scientist, translator (1906—1940) (translated by L. G. Skorodumova and I. V. Kulganek)	6
I. V. Kulganek. Leningrad in the life of Mergen-gun Gombodzhab	11
D. A. Nosov. Mergen-gun Gombodzhab and the Institute of Living Oriental Languages in Leningrad.	24
T. Tamir, T. Aira. Books from the personal collection of Mergen-gun Gombodzhab	27
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
A. Sh. Kadyrbaev. Monuments of steppe legislation «Jeti-Jargy», «Ikh Tsaaz», «Tsaadzhin Bitchig» and cultural relations of Oirats, Kalmyks, Khalkha with Kazakhs during the Qing period	30
T. D. Skrynnikova. Ideas of the all-Mongolian identity in the Mongolian chronicles of the XVII century	35
I. M. Zakharova, M. V. Mandrik. The delegation of Autonomous Mongolia in Russia in 1912—1913	42
PHILOLOGY: LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
G. Batsuur. Images Novelty in Ts. Damdinsurung's Story «The Rejected Girl»	48
A. V. Zorin, Yu. S. Makarova. Two Kalmykian Manuscript Copies of the Tibetan Collected Book «Mdo mangs» Kept at the Saratov Regional Museum of Local Lore	52
B. V. Menyaev. Oirat woodcuts from the private collection of Hotol-Tuges dedicated to cults of Buddha Amitayus	61
T. Sodgerel. Tunes on tsuur in Western Mongolia: the classification.	65
D. Suvdantsetseg. A comma in Mongolian sentence: cases of setting	69
A. A. Turanskaya. Genre marker 'gurbum' in Tibeto-Mongolian Hagiography	78
THE ARCHIVES OF ORIENTALISTS REVIEWS	
Ju. V. Boltach, I. V. Kulganek, E. Ju. Khar'kova. VIIth Conference, dedicated to Agvan Dordzhiev.	83
OUR TRANSLATIONS	
Zh. Dashdondog. I have never been anti-Soviet (translated by L. G. Skorodumova)	88
Ts. Dordzhogotov. Gift from snow (translated by A. Tokmakov, edited by L. G. Skorodumova)	91
S. Buyannemekh. Gates of literature (translated by A. Sapozhnikova, edited by L. G. Skorodumova)	93
Information about the authors	103

А. Ш. Кадырбаев

Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин

Статья посвящена анализу правовых взаимовлияний между монгольским и казахским народами на базе их памятников степного права: казахского «Жеты-Жаргы», монгольских «Их Цааз» и «Цааджин Бичик» во время правления династии Цин в Китае, когда ее армия пыталась покорить монгольские народы.

Ключевые слова: степное право, «Жеты-Жаргы», казахи, «Их Цааз», ойраты, калмыки, «Цааджин Бичик», халхасцы, хунтайджи, маньчжуры, Цин, Джунгарское ханство, Чингисиды, султан, нойон, батыр, бий, зайсанг.

Взаимоотношения кочевых народов Великой Степи — тюркоязычных казахов с монголоязычными ойратами-джунгарами и их прямыми потомками калмыками (называемыми общим тюркским словом «калмак» или «калмык» в эпосах тюркских степных народов и их преданиях и в русских документах, где наряду с названием «калмык» по отношению к джунгарам используется термин «зюнгорцы» или «зенгорцы»), а также с халхасцами — восточными монголами, насчитывают сотни лет. Столкновения с ойратами, в этногенезе которых значительна тюркская струя, начались еще в XV в., почти одновременно с выходом казахов как этноса и государства на историческую арену Евразии. Ойраты еще во второй половине XIV в. вышли из-под власти всемонгольского хана, и ими стали управлять их предводители — тайши, тайджи, хунтайджи, чья власть тогда распространялась до западных склонов Хангайских гор на востоке, песков Гоби на юге, Семиречья на западе, верховьев Иртыша и Енисея на севере.

В конце первой половины XV в. ойратов возглавил энергичный Эсен-хунтайджи, объединивший основные ойратские племена и поколения, известные как чоросы, дэрбэты, торгоуты и хошоуты, в один союз, распространивший свою власть на всю Монголию и претендовавший даже на восстановление государства Чингис-хана. Ойраты покинули свою прародину Халху — Монголию, двигаясь на запад в поисках свободных и пригодных для кочевания земель, которые они нашли к северу от Тянь-Шаня, в современной Джунгарии, отвоевывая их в течение XV в. у своих тюркизированных «родичей» — моголов, чье государство возникло на руинах монгольского государства в Средней Азии — Чагатайского улуса —

осколка империи Чингисидов. Уже в это время ойраты прорываются до Сыр-Дарьи.

Первым из казахских ханов в войну с ойратами вступил Тахир, правивший в 1523—1531 гг. Он построил у подножия одной горы крепость «Джанатан» для отражения ойратских набегов. В 1626—1627 гг. на тропу войны с ойратами вступал хан Ишим (Есим). В борьбе с ойратами прошла вся жизнь сына и наследника Ишима — Джангир-хана, побывавшего у них в плену. Джангир-хан принял смерть в бою с ойратами в 1652 г., погибнув в единоборстве с хунтайджи Галданом [Султанов, 2001. С. 204; Казахско-русские отношения... 1961. С. 3; Левшин, 1832. С. 59].

К середине XVII в. ситуация на казахских границах меняется. Если до этого угроза шла с востока от ойратов, то после распада в 1627—1628 гг. ойратского союза и откочевки из его пределов части ойратов — племени хошоутов в Тибет, а торгоутов численностью около четверти миллиона человек во главе с Хо-Урлюком в Нижнее Поволжье и создания ими в 30-е гг. XVII в. под протекторатом России Калмыцкого ханства на фоне ослабления Ногайской Орды в этом регионе — положение становится угрожающим для казахов и на западе. Калмыки Поволжья при поддержке Российского государства тревожат своими набегами казахские и ногайские кочевья, доходя даже до Мангышлака, вынудив большинство мангышлакских туркмен отступить на юг, а часть — на запад, в степную зону Северного Кавказа, где и поныне обитают их потомки — ставропольские туркмены.

Оставшиеся кочевать на просторах Южной и Западной Сибири ойратские племена, пережив смутное

время, начали объединяться под эгидой чоросских князей и в 1635 г. под предводительством Батура-хунтайджи создали Джунгарское ханство, ставшее последней кочевой империей в истории Центральной Азии. В сентябре 1640 г. по инициативе правителей обновленной Джунгарии в Тарбагатае собрался всемонгольский съезд — чулган, где был принят в качестве всемонгольского ойратский свод законов «Их Цааз» — «Великое уложение», призванный усилить единство монгольских народов под главенством ойратов перед лицом внешней опасности и уменьшить вероятность усобиц. Объединительные меры Батура-хунтайджи, правовой основой которых в строительстве джунгарской государственности был «Их Цааз», сопровождались развитием городов, буддийских ламаистских монастырей, земель, ремесел в подвластных Джунгарскому ханству с XVII в. оседлых областях Восточного Туркестана и Прииссыккуля [Златкин, 1983; Моисеев, 1991]. К концу XVII в. положения «Их Цааз» стали основой монгольского правового памятника «Цааджин Бичик», принятого маньчжурской династией Цин, в 1644 г. завоевавшей Китай и подчинившей Халху — Монголию, для управления халха-монголами, а позднее, после разгрома Джунгарского ханства маньчжуро-китайскими войсками в 1759 г., и ойратами.

Примерно с этой же эпохой связано создание законодательного памятника казахов «Жеты-Жаргы» — «Семь уложений» хана Тауке, текст которого во многом перекликается с ойратским «Их Цааз», что, несомненно, свидетельствует о культурных связях между этими кочевыми народами. Время правления сына Джангир-хана Тауке ассоциируется в казахской народной памяти с «золотым веком» казахской государственности, когда «народ жил в покое, существовал порядок, были законы и правосудие», олицетворением которых были суд биев и «Семь уложений» хана Тауке. При всех ратных достижениях Тауке-хана, снискавшего славу знатока военного дела и получившего за храбрость титул «батыра» в боях с ойратами и калмыками, все же главная его заслуга в казахской истории состоит в том, что он был вдохновителем законотворчества и в этом качестве строителем Казахского государства. Неудивительно, что ко времени правления хана Тауке относится деятельность самых знаменитых представителей суда биев — глав родов и племен в Казахской степи. По преданию, Тауке-хан собрал для совета трех биев — Тюля-бия из Старшего жуза, Казбек-бия из Середнего жуза, Айтек-бия из Младшего жуза — этнополитических объединений, из которых состояло Казахское ханство, называемых в русских источниках ордами, составил и обсудил с ними некоторые законоположения, регулировавшие жизнь казахского общества. По другому преданию, Тауке-хан собрал семь биев и эти бии соединили старые обычаи ханов Касыма и Есима в новые обычаи, называемые «Жеты-Жаргы». Можно утверждать, что идея создания «Жеты-Жаргы» относится к 70-м гг. XVII в. и что создание «Жеты-Жаргы» явилось ответным действи-

ем казахского Тауке-хана и его окружения на законодательную инициативу противника Казахского государства правителя Джунгарского ханства Галдана-хунтайджи, когда казахи вели изнурительную борьбу с джунгарами. Появление «Жеты-Жаргы» обусловлено стремлением приспособиться к новой военно-политической ситуации, сплотив казахов для борьбы с внешним врагом — джунгарами, война с которыми была неизбежной.

Насколько известно, у самих казахов «Жеты-Жаргы» не было записано. Оно дошло до нашего времени в поздних записях российских ученых и известно в двух редакциях на русском языке. Одиннадцать фрагментов «Жеты-Жаргы», впервые записанные в 1804 г. со слов «старшины яппасского рода» (т. е. рода жаппас) Кубека Шукуралиева, были опубликованы в 1820 г. Г. Спасским на страницах издаваемого им «Сибирского вестника».

Текст второй редакции памятника приводится в сочинении известного знатока истории и быта казахов А. Левшина, видного российского ученого и государственного деятеля. Между тем и наиболее полная (34 фрагмента «Жеты-Жаргы») запись А. Левшина не представляет памятник в первоначальном виде. Как Г. Спасский, так и А. Левшин, записали «Уложения» хана Тауке спустя более 100 лет после его составления, что отразилось на точности его передачи, в частности из-за публикации его не на языке оригинала. Тем не менее именно Г. Спасскому и А. Левшину принадлежит честь открытия «Жеты-Жаргы» для мировой науки. Таким образом, история изучения памятника имеет давнюю традицию. К «Жеты-Жаргы» обращались многие исследователи правовых обычаев и истории казахов.

Сходство между казахским и ойратским «Уложениями» объясняется и идентичными условиями хозяйственно-производственной деятельности кочевого образа жизни, который вели казахи и ойраты с калмыками и халхасцами, несмотря на то, что казахи оказались под влиянием исламской цивилизации, а ойраты и калмыки с халха-монголами — ламаистской или тибетской ветви буддизма. Несмотря на многовековые контакты с исламской цивилизацией, мусульманами стали лишь немногие ойраты, оторченные потомки которых стали известны в Средней Азии позднее под названием сарт-калмак, ныне представляющих одно из родоплеменных объединений киргизов. А из современных монголоязычных народов мусульманами стали немногочисленные дунсяне (150 тыс. чел.) и баоань (10 тыс. чел.), живущие ныне в Северо-Западном Китае и в Восточном Туркестане или Синьцзяне.

Как и «Жеты-Жаргы», «Их Цааз» носил сословный характер, законодательно закреплял традиционные привилегии ойратского и калмыцкого обществ и деление их на «цаган» и «хара ясун» («белую» и «черную кость»). Если у казахов высшими сословиями были знать «белой кости» — потомки Чингис-хана, они же султаны или «торе», из числа которых вышли все ханы Казахского ханства, и «кожа», или

ходжи — потомки сподвижников пророка Мухаммада, представители мусульманского духовенства, то, как представляется, у ойратов и калмыков им соответствовали по властным полномочиям, но не по происхождению, хунтайджи-правители и нойоны. Нойоны принадлежали к «белой кости» и вели свою родословную от предков Чингис-хана. Как и титул «султан» у казахов, звание «нойон» было наследственным, по праву рождения. Большим почетом в ойратском и калмыцком обществах пользовались ламаистские священнослужители, освобожденные от податей, военной службы и прочих повинностей, в подчинение им хунтайджи и нойонами выделялись из простых кочевников люди, так называемые «шабинеры», освобожденные по закону от податей и несения воинской службы.

К ойратской знати «черной кости», подобно биям у казахов, вероятно, можно отнести зайсангов, которые часто по наследству управляли аймаками — административно-хозяйственными единицами, на которые делились Джунгарское и Калмыцкое ханства. Но, в отличие от биев, власть которых над своим родом-племенем всегда вытекала из наследственного принципа, зайсанги могли быть отстранены от власти по произволу нойонов и хунтайджи, могли лишиться этого звания и даже жизни. В казахском же обществе чаще ханы опасались биев, поскольку из-за трений с ними могли лишиться военной поддержки возглавляемых биями родоплеменных ополчений, из которых в основном формировалось войско Казахского ханства. Кроме того, ойраты и калмыки не знали такого явления, как суд биев, освященного казахской народной традицией, поскольку зайсанги не обладали судебными полномочиями. Особое место в ойратской сословной структуре занимали дарханы и эркетени, где-то очень условно их можно сравнить с казахским сословием батыров. Они за особые заслуги освобождались от податей, повинностей и власти зайсангов, могли свободно кочевать в составе любого аймака или даже вне его. По законам 1640 г. дарханом становился тот, кто спасал жизнь нойона в бою. В Калмыцком ханстве возможность стать дарханом значительно расширились, при этом не только они сами, но и члены их семей освобождались от податей и повинностей.

Основную массу населения Джунгарского и Калмыцкого ханств составляли простолюдины-кочевники, так называемые албату. Как и казахские кочевники, они несли воинскую повинность, платили подати на содержание хунтайджи и нойонов, однако на этом сходство заканчивается. Если казахские кочевники были людьми свободными, к тому же имевшими личное оружие, хотя и не обладали правами знати «белой» и «черной кости», то албату, в отличие от них, были полностью подчинены своим нойонам и зайсангам, которые могли их наказывать, освобождать, продавать в одиночку или с семьей другому владельцу. Позднее, к XVIII в., у ойратов и калмыков сложилась категория населения, сопоставимая с аналогичной в казахском обществе — рабами (по-

казахски «кул». — *А. К.*), называемыми по-разному — цоохоры, китады, цоохор мухулай, цоохор китады. Они были полностью зависимы от своего хозяина, которым мог быть не только представитель знати, но и простой кочевник. При этом цоохоры составляли «исключительную собственность» хозяев, которой последние могли располагать «по своему усмотрению» [Султанов, 1982. С. 67—76; Горьев, 1997. С. 24—26].

Картина контактов казахов с ойратами, халха-монголами и калмыками в это время будет неполной, если не затронуть наряду с правовым и культурный аспект, в частности языки, на которых основывалась дипломатическая практика указанных сторон, в том числе и во взаимоотношениях друг с другом. К их числу относились монгольский; ойратский, или калмыцкий; среднеазиатский тюрки, или чагатайский; фарси, или персидский языки. Интересно, что посольство хана Серединного жуза казахов Аблая, чье мусульманское имя Абиль-Мансур, в Санкт-Петербург во главе с Урусом вело переговоры с российскими властями в 1762—1763 гг. на монгольском языке. Первое послание цинского императора Цяньлуна к казахам в 1755 г. было переведено на монгольский язык в ставке командующего маньчжуро-китайскими войсками в Джунгарии, а в состав цинского посольства к казахам были включены ойраты как проводники и переводчики. Сам Цяньлун знал монгольский, чагатайский и тибетский языки. Дипломатическая переписка его двора с казахскими и кокандскими ханами осуществлялась и на чагатайском (среднеазиатском тюрки) языке [Бейсембиев, 2004. С. 64].

Некоторые представители казахской верхушки, в частности упомянутый Аблай, хан Серединного жуза, и его современник хан Старшего жуза Жолбарыс, знали персидский и ойратский языки. Известен случай, когда им пришлось «толковать» цинским послам, чей переводчик плохо говорил по-казахски, «на колмацком и персидском разговоре». В 1759 г. цинские власти «отправили обратно к Аблай-салтану с письмами на двух языках — калмыцком и мунгалском» его послов, побывавших при дворе императора Цинской династии. К тому же, как сообщают русские источники, «сам он Аблай по-китайски читать и писать умеет и разговор нарочито знает» [Хафизова, 1995. С. 252—253; АВПРИ, 1762—1763. Л. 49, 54—54 об.].

Среди известных персонажей казахской истории хан Младшего жуза Абулхаир, возглавивший борьбу казахов с джунгарским нашествием, в молодости долгие годы провел в окружении калмыцкого хана Аюки, хорошо знал калмыцкий язык и традиции калмыков. К этому можно добавить, что одной из жен Абулхаир-хана была калмычка Баяна.

Таким образом, взаимоотношения казахов с ойратами-джунгарами, халха-монголами и калмыками — это не только войны, но и культурные связи, что нашло заметное отражение, как в дипломатической практике, «династийных» браках представителей

знати этих народов, так и в памятниках права казахов и ойратов с калмыками — «Жеты-Жаргы» и «Их Цааз», а также халхасцев — «Цааджин Бичик», многие положения которых перекликаются друг с другом.

Вместе с тем, при всех параллелях между «Жеты-Жаргы» с «Их Цааз» и «Цааджин Бичик», они имеют и существенные отличия, поскольку в казахском обществе не было такой более всеобъемлющей власти государства над подданными, как в Джунгарском и Калмыцком ханствах, которые хотя и нельзя еще назвать, по этому признаку, государствами восточной деспотии, но все же можно признать, что ойраты и калмыки гораздо ближе подошли к этому образцу, чем казахи, не говоря уже о положении халха-монголов, подвластных маньчжурской династии Цин, правившей с 1644 г. в Китае и Халхе — Внешней Монголии. Ойратский «Их Цааз», и в особенности халхаский «Цааджин Бичик», отличаются от «Жеты-Жаргы» чрезмерной регламентацией всех сторон общественной и частной жизни кочевников. Если в «Уложении» Тауке-хана есть понятие преступления против личности, но нет понятия преступления против государства, то в «Их Цааз» и «Цааджин Бичик» за преступления против государства предусмотрена целая система жесточайших наказаний — от крупных штрафов в виде взимания с виновного голов скота, ударов плетью или палками до заточения в тюрьму и смертной казни путем удушения, отсечения головы, разрубания на куски, а также отдачи в рабство виновного и его семьи. А в «Жеты Жаргы» предусмотрено, что если, например, сын доносил на отца, совершившего преступление против государства или кого-либо, то наказанию подвергали в первую очередь сына за донос, ибо «на старшего нельзя доносить». К тому же, в отличие от хунтайджи, халхаских владетелей и маньчжурских богдыханов, казахские ханы и султаны не могли наказывать преступников без согласия глав родов и племен — биев, в руках которых была законодательная и судебная

власть, ополчения возглавляемых ими родов, формировавшие основные военные силы Казахского ханства, а если такие попытки предпринимались, то род, из которого происходил виновный, вставал на его защиту [Моисеев, 1991. С. 90].

Вышеизложенные обстоятельства обусловили более, говоря современным языком, конечно, с заметной долей условности, «демократический» характер «Жеты-Жаргы» сравнительно с «Их Цааз» [Их Цааз, 1981; Голстунский, 1880; Гольман, 1959. С. 139—162] и «Цааджин Бичик» в части прав и свобод всех сословий кочевого общества, каковыми были казахи, ойраты и калмыки, халха-монголы, но предопределили большую слабость казахской государственности по сравнению с джунгарской, и тем более с халха-монгольской под властью Цинской династии, на порядок более централизованными и эффективными в плане военной организации, что и проявилось в джунгарско-казахских войнах и столкновениях казахов с калмыками и цинскими войсками, кавалерию которых в немалой степени представляли халхасцы. Но войны канули в Лету, а культурные контакты этих народов продолжают, поскольку невозможно представить историю казахов вне связей с монгольскими народами — ойратами, калмыками и халхасцами, какими бы неоднозначными они ни были, о чем и свидетельствуют рассмотренные выше памятники права казахов, ойратов и халха-монголов — «Жеты-Жаргы», «Их Цааз» и «Цааджин Бичик».

Таким образом, «Жеты-Жаргы», «Их-Цааз», «Цааджин Бичик» являются законодательными памятниками кочевых народов Центральной Азии XVII—начала XVIII в. Они позволяют оценить мир, в котором появились, а их создатели кажутся ближе и понятней. Благодаря этим произведениям видно, как их творцы трудились над миром, в котором им довелось жить, как они пытались возвысить его, сделать более совершенным.

Использованные источники и литература

- АВПРИ, 1762—1763: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Киргиз-кайсацкие дела. 1762—1763. Д. 9 (Архив vneshney politiki Rossiyskoy imperii. F. Kirgiz-Kaysatskiye dela. 1762—1763. D. 9).
- Бейсембиев, 2004: *Бейсембиев Т. К.* Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в культурной истории Евразии // Рух-Мирас — Казахстанский культурологический альманах. № 2 (2). 2004 (*Beysembiev T. K. Sredneaziatskiy (chagatayskiy) tiurki i ego role v kulturnoy istorii Evrasii // Ruh-Miras. Kazakhstanskiy kulturologicheskiy almanah. № 2 (2).* 2004).
- Голстунский, 1880: *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши. Калмыцкий текст с русским переводом. СПб., 1880 (*Golstunskiy K. F. Mongolo-oyratskie zakony 1640 goda. Dopolnitelnye ukazy Galdan-huntaidzhi i Zakony, sostavlennyye dlia volzhskih kalmykov pri kalmitskom hane Donduk-dashi. Kalmitskiy text s russkim perevodom. SPb., 1880.*).
- Гольман, 1959: *Гольман М. И.* Русские переводы и списки монголо-ойратских законов 1640 г. // Монгольский сборник. Экономика, история, археология. 1959 (*Gol'tman M. I. Russkie perevodi i spiski mongolo-oiratskih zakonov 1640 goda // Mongolskiy sbornik. Ecomomika, istoriya, arheologiya. 1959.*).
- Горяев, 1997: *Горяев М. С.* О состоянии калмыцкого общества и хозяйства в конце XVIII—XIX веке. VII Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, август 1997 г. Доклады российской делегации. М., 1997 (*Goriaev M. S. O sostoyanii kalmitskogo obchestva i hozyaistva v kontse XVIII—XIX veke. VII Mezhdunarodnyi kongress mongolovedov. Ulan-Bator, avgust, 1997. Doklady rossiyskoy delegatsii. M., 1997.*).
- Златкин, 1983: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. М., 1983 (*Zlatkin I. Ya. Istoriya Dzhungarskogo hanstva. M., 1983.*).

- Их Цааз, 1981: Их Цааз (Великое уложение) — памятник монгольского феодального права XVII в. / Ойратский текст, транслитерация сводного ойратского текста, реконструируемый монгольский текст и его транслитерация, перевод, введение и комментарии С. Д. Дылыкова. М., 1981 (Yih Zaaz (Velikoye ulozhenie) — памятник mongolskogo feodalnogo prava XVII veka / Oiratskiy text, transliteratsiya svodnogo oiratskogo texta, rekonstruirovaniy mongolskiy text i ego transliteratsiya, perevod, vvedeniye i kommentarii S. D. Dylykova. M., 1981).
- Казахско-русские отношения... 1961: Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Сборник документов и материалов. М., 1961 (Kazahsko-russkiye otnosheniya v XVI—XVIII vekah. Sbornik dokumentov i materialov. M., 1961).
- Левшин, 1832: *Левшин А. И.* Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 2. СПб., 1832 (*Levshin A. I.* Opisaniye Kirgiz-kaisatskih ord i stepey. Ch. 2. SPb., 1832).
- Моисеев, 1991: *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи. XVII—XVIII вв. Алматы, 1991 (*Moiseev V. A.* Dzhungarskoye Khanstvo i kazakhi. XVII—XVIII veka. Almaty, 1991).
- Султанов, 1982: *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982 (*Sultanov T. I.* Kocheviye plemena Priaraliya v XV—XVII vekah. M., 1982).
- Султанов, 2001: *Султанов Т. И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингис-хана. Алматы, 2001 (*Sultanov T. I.* Podnyatiye na beloy koshme. Potomki Chingiz-khana. Almaty, 2001).
- Хафизова, 1995: *Хафизова К. Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV—XIX вв.). Алматы, 1995 (*Hafisova K. Sh.* Kitaiskaya diplomatiya v Zentralnoy Asii (XIV—XIX vv.). Almaty, 1995).

A. Sh. Kadyrbaev

Monuments of steppe legislation «Jety-Jargy», «Ikh Tsaaz», «Tsaadzhin Bitchig» and cultural relations of Oirats, Kalmyks, Khalkha with Kazakhs during the Qing period

The article is devoted to the analysis of legal relations governed by law between Mongolian and Kazakh peoples on base of their steppe legislation — monuments of law: Kazakhish «Jety-Jargy», Mongolian «Ikh Tsaaz» and «Tsaadzhin Bitchig» during rule of Qing dynasty in China when it's army tried to conquer Mongolian peoples.

Key words: «Jety-Jargy», steppe legislation, Kazakhs, «Ikh Tsaaz», «Tsaadzhin Bitchig», Oirats, Kalmyks, Khalkha-mongols, *huntayji*, manchurs, Qing dynasty, Jungar khanate, *sultan*, *noyan*, *biy*, *zaisang*.